

На улице стояла сырая, промозглая осень. Дождь, казалось, не прекращал своего вечного шествия, капля за каплей сбегая вниз, как бесчисленные слёзы неба. Каждая капля проживала крохотную, но насыщенную жизнь: она рождалась в облаках, стремительно мчалась сквозь порывы ветра, пока не исчезала беззвучным всплеском на сером асфальте. Так и мгновения нашей жизни растворяются, оставляя лишь следы в памяти.

Мы пытаемся подчинить время своей воле, разбиваем жизнь на упорядоченные части, надеясь обрести контроль. Но стоит ли? Ведь в конечном итоге всё сводится к тому, что мы делаем с мгновениями, которые успеваем поймать.

Если жизнь — это цепь таких же мимолётных капель, то, возможно, важно не их количество, а то, как мы чувствуем их прохладное прикосновение. Учиться не просто смотреть на дождь, но ощущать его каждой клеткой души. Ловить капли, впитывать их кратковременную красоту, даже зная, что они неизбежно разобьются о землю.

За решёткой маленького окна слышались звуки жизни: машины куда-то спешили, ветер, словно невидимый дирижёр, уносил сорванные листья в безумном вихре. Осень напоминала о себе всем своим многообразием. Типичный день, скажете вы.

Я наблюдал за такой картиной уже третий день подряд. Мой мир ограничивался узким окном в углу комнаты, в которой я делил пространство с несколькими незнакомцами. Это место не напоминало привычные стереотипы о «зоне»: люди вокруг казались спокойными, даже интеллигентными. Их разговоры об искусстве, книгах и жизни обретали оттенок чего-то почти утешительного. Но это обманчивая картинка. За вежливостью скрывалась холодная правда — тюрьма остаётся тюрьмой, каким бы мягким ни был её фасад.

Я не жаловался. Просто это нельзя было назвать жизнью, в которой можно ловить капли дождя и наслаждаться ими. Здесь я был лишь наблюдателем, запертым в клетке своих мыслей. И всё же, глядя на этот бесконечный дождь, я думал: однажды я выйду, чтобы поймать свою каплю, пока она не разобьётся о землю. Хотя и был я здесь всего третий, по людскому счету, день.

Мои размышления прервал звук тяжёлой железной двери. Скрежет металла, за которым последовал низкий протяжный скрип, разорвал гнетущую тишину камеры. В проёме появился человек в синей куртке с погонами, нашивка на рукаве выдавала его принадлежность к порядку, но его усталый взгляд говорил о том, что никакого порядка в его душе давно не осталось.